

Диск содержит более 14 000 документов из системы «КонсультантПлюс»; раздел «Электронная библиотека студента»; раздел «Учимся работать с системой «КонсультантПлюс»»: учебно-методические материалы, которые помогают в освоении работы с системой, тренинго-тестирующую систему для проверки знаний; раздел ««КонсультантПлюс»: на досуге». Преподаватели кафедры правовой информатики используют его не только на занятиях по информатике при проведении теста для проверки знаний,

но и для организации самостоятельной работы студентов. Особенно эффективно используется диск при работе со студентами заочной формы обучения.

Правильно построенная технология обучения работе с СПС «КонсультантПлюс» позволяет сформировать у студентов экономических специальностей устойчивые навыки работы с системой, которые будут им необходимы как во время всего обучения в институте, так и в будущей профессиональной деятельности.

ИМЯ В ЭЛИТАРНОМ СОЗНАНИИ РИМА I V. DO N. E. - I V. N. E.

А. В. Карабыков, доцент кафедры иностранных языков Омского юридического института, кандидат филологических наук, доцент

Манипуляции с языком, возникшие в римской культуре рубежных столетий под воздействием конвенционально-номиналистического восприятия его природы, включали в себя и новое обращение с именем. По мере возрастания духовной разобщенности и индивидуализма в обществе люди Рима все чаще проявляли в отношении именования неизвестное прежде самоволие. Тем самым они порывали с вековыми традициями, строго регламентировавшими эту сферу культурной жизни. Чтобы лучше понять суть происходивших изменений, рассмотрим сначала, от чего в эту эпоху стали отказываться квириды. Имя полноправного римского гражданина - таковым считался фактический (отец) или будущий (сын) глава семейства, *pater familias*, - состояло из трех частей: личного имени (*praenomen*), родового (*nomen*) и факультативного названия ветви рода (*cognomen*). В редких случаях к ним добавлялось еще индивидуальное прозвище человека (*agnomen*). Наибольшую важность имели второй и третий компоненты, личная же часть имени была самой малозначимой. На ее приниженную роль указывает то, что полноценным *praenomen*-ом могли обладать только первые четыре сына. Личные имена остальных носили «технический» характер: *Quintus* («Пятый») *Sextus* («Шестой») и т. п. Кроме того, по закону, принятому в 230 г. до н. э., старший сын перенимал от отца

вместе с родовыми именами его *praenomen*. У женщин этот компонент отсутствовал. Они нарекались только родовым именем и, при наличии, названием ветви рода. Таким образом, количество личных имен было минимальным: 18 употребительных из 72 известных¹. Из сказанного следует, что именование выполняло у римлян не столько индивидуализирующую, сколько приобщающую, коллективизирующую функцию. Имя прежде всего «прививало» человека к кровнородственному древу и лишь потом выделяло его из числа прочих людей. Только род в целом по-настоящему обладал именем - отдельный индивид проносил его через свою земную жизнь, чтобы передать потомкам². По причине круговой поруки, связывавшей его с родом, а через род - с общиной в целом, которая мыслилась как высшее кровное единство всех квиридов, римлянин ощущал ответственность за вверенное ему имя. На нем лежала обязанность пронести свое имя незапятнанным и по возможности приумножить славу своего рода. Если человек все же бесславил имя, он рисковал утратить его навсегда - стать изгоем, отверженным семьей и изгнанным из общины. Но и род в этом случае мог навечно потерять личное имя своего недостойного представителя. Соответствующие санкции, принимаемые на законодательном уровне Сенатом, не были редкостью в государстве³. К примеру, известно

¹ См.: Федорова Е. В. Латинская эпиграфика. - М.: МГУ, 1969. - С. 71-74.

² См.: *Life, death and entertainment in the Roman Empire* / D.S. Potter, D.J. Mattingly. - Ann Arbor The University of Michigan Press, 2002. - P. 25.

³ См.: Тацит. *Анналы* 2, 32 // Корнелий Тацит. Сочинения. В 2 т. Т. 1. *Анналы. Малые произведения*. - Л.: Наука, 1970. - С. 57.

постановление, принятое после разоблачения заговора Пизона, в котором предписывалось выскоблить из Фастов его имя, а сыну главного заговорщика - сменить принятое от отца прозвище⁴. По свидетельству Светония, в императорском роде Клавдиев было отвергнуто имя Луций. Это случилось после того, как одного из нареченных им родственников уличили в разбое, а другого - в убийстве⁵.

Идея ответственной зависимости человека от рода с исключительной яркостью выразилась в похоронном обряде. У знатных римлян был обычай хранить дома посмертные маски своих предков. И когда человек умирал, его несли на центральную площадь в окружении как бы оживших праотцев. Члены траурной процессии - нередко среди них были нанятые актеры - облачались в эти маски и подобающие одежды. Войдя на форум, труп ставили на ноги, «предки» усаживались в кресла. Потом сын или другой близкий родственник оглашал перед присутствующими их имена и достопамятные деяния. Под конец говорилось о новопредставленном⁶. На наш взгляд, имя римлянина можно уподобить обобщенной родовой маске, в которой сливались в единый облик черты всех его предшественников по крови, - по ней должно было формироваться его собственное лицо-личность. Неслучайно Плиний Младший, раздумывая о судьбах будущих детей, сближает эти предметы в одном ассоциативном ряду: «Мне кажется, - пишет он другу-аристократу, - что мы с тобой оставим им широкий путь к почестям, имена - широко известные и изображения предков не от вчерашнего дня»⁷.

Возвращаясь к исследуемой эпохе, мы замечаем, что основные тенденции в области именования вели к переориентации этой сферы на выполнение по преимуществу индивидуализирующей функции. В повседневном обращении имя римлянина стало сокращаться до одного компонента. Это усечение происходило за счет перехода названия ветви рода в личное имя отдельного человека и отказа от родового компонента (nomen). Тем временем в официальном употреблении наблюдался обратный процесс: имя «разрасталось» из-за включения в него произвольно принимаемых компонен-

тов - обычно индивидуальных прозвищ⁸. Биографии известных людей того времени богаты примерами, иллюстрирующими этот процесс. Сулла, удивительно успешный политик первой половины I в. до н. э., на вершине своей карьеры формально закрепил за собой прозвание Felix («Счастливый»), которое должно было с тех пор переходить и на его детей. Нерон, желая возвеличить жену Пoppею, родившую ему дочь, присвоил ей и младенцу имя Августы⁹. Сам основатель империи Октавиан по предложению граждан добавил к своему имени agnomen Август, указывающий на сакральный характер его фигуры и власти¹⁰.

Показанные изменения проливают свет на те глубинные трансформации, которые произошли в восприятии природы имени и слова как такового. Произвольное манипулирование именем, призванное подчеркнуть автономный статус человека, было аспектом свойственным эпохе культа речи, который также служил формой утверждения расширявшегося индивидуализма. Происходящее из конвенционально-номиналистического переживания языка новомодное обращение с именем строилось на отрицании его бытийной значительности, имевшей своей причиной приобщенность имени к неким сокровенным и нематериальным планам реальности. Активизация этой сугубо профанной, «позитивистской» практики была одним из симптомов того духовного кризиса, с которого мы начали анализ римской культуры I в. до н. э. - I в. н. э.

Разрушение традиционной религии, происшедшее в это время, усугубляло и без того нерадостную картину загробной участи человека, свойственную язычеству. «Смертной душе не укрыться от смерти, - стенал Гораций. - Всех ожидает черная смерть» (Оды Т, 11, 1-2). В пораженную безверием эпоху царство смерти рисовалось поэтическому воображению как «равнина уныния и мрака», «жилие унылое» и вечная ночь небытия (Оды Т, 4, 15-20)¹¹. Все упования римлян были связаны с земным существованием в посюстороннем мире. В кругу идей, вызывавших симпатии римской элиты, наибольшую притягательность получило представление о культурном бессмертии. Под его воздействием имя стало переживаться и осмысливаться в неразрывной связи с обра-

⁴ См.: Тацит. *Анналы* 3, 17 // Корнелий Тацит. *Сочинения*. В 2 т. Т. 1. *Анналы*. *Малые произведения*. - Л.: Наука, 1970. - С. 89.

⁵ См.: Светоний Г. Т. *Жизнь двенадцати Цезарей*. - М.: Правда, 1988. - С. 79.

⁶ См.: Моммзен Т. *История Рима*. Т. 1. - СПб.: Наука: Ювента, 1999. - С. 669-670.

⁷ Плиний Младший. *Письма Плиния Младшего* (VTTT, 10, 3). - М.: Наука, 1983. - С. 144.

⁸ См.: Федорова Е. В. *Указ. соч.* - С. 76-77.

⁹ См.: Тацит. *Анналы* 15, 23 // Корнелий Тацит. *Сочинения*. В 2 т. Т. 1. *Анналы*. *Малые произведения*. - Л.: Наука, 1970. - С. 289.

¹⁰ См.: Светоний Г. Т. *Указ. соч.* - С. 40.

¹¹ См.: Квинт Гораций Флакк. *Оды*. *Эподы*. *Сатиры*. *Послания*. - М., 1970.

зами славы, чести и памяти. Вместе с ними оно образовывало единый ценностно-понятийный комплекс, занимавший чрезвычайно важное место в мировоззрении и культуре Рима. Характеризуя умонастроевание своего времени, Цицерон писал: «Теперь в каждом честном человеке живет доблестное стремление, которое днем и ночью терзает его сердце жаждой славы и говорит о том, что память о нашем имени не должна угаснуть с нашей жизнью, но должна жить во всех последующих поколениях»¹². Раз вечной является только римская община и образуемое ей государство, то бессмертие, единственно возможное для человека, может быть достигнуто через укоренение его имени в современном общественном сознании и приобщение его к отечественной истории и культуре. И поскольку в секуляризованном обществе посмертная память является следствием громкой известности при жизни, всепоглощающая жажда славы сделалась главной побудительной силой, направлявшей образ мысли и поступки образованного римлянина. В условиях атомизации общества, происшедшей вследствие роста индивидуализма, наибольший почет среди граждан могли доставить человеку прежде всего плоды его личных дарований: литературного таланта, учености, мастерства в каком-либо искусстве. Они ценились теперь более, чем социально полезные свершения: военные победы, возведение общественных зданий и т. д., служившие в прошлом главным мерилом исторического значения той или иной личности. Таким образом, страх перед кончиной, стремление к славе и культ речи неразрывно переплетались друг с другом. «Помни о смерти, - увещает приятеля знакомый нам автор. - Единственное, что вырвет тебя из ее власти, это твои стихи; все остальное, хрупкое и тленное, исчезает и гибнет, как сами люди»¹³. Идея культурного бессмертия, достигаемого посредством литературной славы, с монотонностью мантры, с настойчивостью заклинания проходит через творчество поэтов того времени:

Тело бескровное - дань печальному месту сожженья,

Имя и честь не умрут в пламени сложенных дров¹⁴.

Желая возвеличить свою роль в обществе, чтобы достичь новых вершин известности, римские литераторы активно «спекулировали» этой идеей. В художественной рекламе своих услуг они обе-

щали вечную память тем, кто удостоится быть упомянутым в их произведениях. Так, Марциал, оправдываясь за желчные свои насмешки и передразнивания, утверждает, что многие из его читателей рады, что он прославил их имя и тем увековечил его (V, 15)¹⁵. «Я буду дорог потомкам и могу увековечить имена тех, кого приведу с собою», - говорит о своих книгах Сенека¹⁶. Как видим, не только работавшие «на толпу» сатирики, но и самые благородные из писателей были вовлечены в этот утонченный бизнес.

Возвышаемое литераторами представление о культурном бессмертии приобретало в глазах многих представителей элитарного круга сакральный ореол и постепенно подменяло собой религиозное представление о нетлении онтологическом. Смешиваясь с традиционными верованиями, эта идея исподволь разрушала их - извращала и переиначивала складывавшиеся столетиями убеждения. Мы помним, что на Востоке и особенно в Древнем Египте посмертное состояние человека ставилось в зависимость от активности живых. Это представление, вызвавшее оформление заупокойного культа, позднее перешло в христианство и стало важной составляющей средневекового мировоззрения. Противоположную и единственную в своем роде картину рисуют римские интеллектуалы рубежных веков. По их мнению, усопшие сами пекутся о поддержании своей известности в земном мире, разделяя с живущими их профанные ценности. Разве могла бы уцелеть память даже о величайших из смертных, если бы все обстояло иначе? - риторически вопрошал Цицерон. Сказанное проясняет причины той популярности, которой пользовалась в то время стоическая идея об относительном нетлении душ отдельных людей. В первоначальном учении стоиков к таким избранным относились лишь мудрецы, во всем согласовавшие свою жизнь с велениями Рока. Теперь к их числу стали относить всех тех, кто, говоря словами Вергилия, «среди живых о себе по заслугам память оставил» - необязательно мудрых и покорных судьбе. Думаем, будет лишним доказывать, что расширение этого элитарного круга происходило под непосредственным воздействием представления о культурном бессмертии, положившего начало новой, секулярно ориентированной мифологии.

¹² Цицерон М. Т. Речь в защиту поэта Авла Лициния Архия // Цицерон. Эстетика: Трактаты. Речи. Письма. - М.: Искусство, 1994. - С. 160 (ХТ, 29).

¹³ Плиний Младший. Указ. соч. (ТТ, 10, 4). - С. 38.

¹⁴ Овидий. Письма с Понта (ТТТ, 2, 31-32) // Публий Овидий Назон. Скорбные элегии; Письма с Понта. - М.: Наука, 1982. - С. 126.

¹⁵ См.: Марциал Марк Валерий. Эпиграммы. - Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000.

¹⁶ Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию. - М.: Наука, 1977. - С. 39 (ХХТ, 5).